

Денис Шпатын

Завет Петра 4

Крымский гамбит

Денис Старый

Завет Петра 4.

Крымский гамбит

<https://litres.ru/74629818>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.

Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.

Вот только сначала нужно не дать себя добить.

Содержание

Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	52
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Денис Старый

Завет Петра 4.

Крымский гамбит

Петербург

6 марта 1725 года

Морица Саксонского я принял далеко не сразу. Решил немного помариновать гостя, пустив пыль в глаза и сославшись на крайнюю занятость из-за сборов посольства в Южную Европу. Время мне требовалось по одной простой причине: нужно было узнать об этом блестящем авантюристе хоть что-то реальное, выходящее за рамки моего послезнания.

Так что за графом плотно приглядывали. Люди Девиера слушали, смотрели, фиксировали каждый его чих. Тайные службы у нас пока находились в том зачаточном состоянии, когда, перефразируя старый советский фильм, приходилось «тренироваться на кошках».

К слову, Мориц действительно донельзя напоминал кота. Не внешностью, разумеется, а повадками. Типичный мартовский котяра, которого матушка-природа настойчиво, до звона в ушах, призывает к размножению. И не думаю, что виной тому март, это характер такой у моего потенциально-

го зятя.

За считанные дни он успел подмять под себя дочку трактирщика, случилась симпатия с женой одного офицера... Я приказал провести беседу с неверной женой, чтобы никаких дуэлей и обид не было. А то как не примет офицерское сообщество нового начальника, так и делу навредит.

Но теперь Мориц активно интересовался у местной публики наличием в Петербурге «приличных борделей». Хотя, как по мне, само словосочетание «приличный бордель» — это дичайший оксюморон. А он — плоть от плоти кабель, как и его батюшка, польский король Август.

Впрочем, эти кабацко-постельные похождения ни в коей мере не влияли на то решение, которое я уже для себя принял. И пусть бы нашла коса на камень! Моя Елизавета тоже те еще чудеса вытворяет.

Взять хотя бы недавний случай: стоило ее фавориту, Бутурлину, отправиться к месту службы в Харьков для формирования нового полка, как эта рыжая бестия устремилась следом. Подговорила свою наперсницу, Мавру Егорьевну, переоделись они в мужское платье — и давай галопом на выезд из Петербурга.

Благо, гвардейский офицер на заставе оказался глазастым. Обратил внимание на некоторые, так сказать, выдающиеся особенности физиологии «молодого человека». Туго стянутый камзол никак не мог скрыть роскошную грудь Елизаветы, которая буквально рвалась наружу.

Так что эти двое — два сапога пара. Один сапог нужен мне как уставшему отцу, просто любящий строптивую дочь. А вот второй сапог необходим мне уже как Императору.

Когда Мориц, наконец, предстал передо мной в кабинете, вид у него был изрядно помятый. Блестящий лоск европейского сердцееда заметно потускнел под гнетом сурового русского похмелья.

— Вы не совсем похожи на себя, граф, — сухо заметил я на немецком языке, разглядывая его с кресла. — Вчера в трактире вы были куда как живее и активнее, нежели сейчас.

Граф попытался изобразить бравый поклон, но слегка пошатнулся. На его висках выступила испарина.

— Прошу простить, Ваше Императорское Величество... Это я от радости лицезреть вас так задыхаюсь, — попытался отшутиться мой вероятный зять, хотя было видно, что каждое слово отдается в его черепе чугунным набатом.

— Ну да... Что ж, я разделю с вами завтрак, — я выдержал паузу, наслаждаясь его бледностью. — И даже разрешу — хотя в последнее время я категорически против подобного — похмелиться ледяной русской водкой.

Я встал из-за стола, медленно подошел к нему и посмотрел прямо в воспаленные глаза.

— Нет, ну ты действительно дурак? — негромко спросил я.

Сказано это было отнюдь не с доброй усмешкой. Тон мой был тяжелым, ледяным, не предвещающим собеседнику ров-

ным счетом ничего хорошего. Мориц вздрогнул. Уверен, он прекрасно уловил и зловещую интонацию, и смысл, ибо я резко перешел на его родной немецкий язык, чеканя каждое слово как пощечину:

— Ты приезжаешь сюда, возможно, как мой будущий зять. И что ты делаешь? Тут же раскладываешь на столе, а потом и под столом дочь трактирщика! Девчонку, которая отродясь не промышляла своим телом и сдуру влюбилась в тебя с первого взгляда. Но тебе этого мало. Следом ты находишь еще одну бабу, беззастенчиво тащишь ее в свою комнату и пользуешься там во всех мыслимых позах... Жену доблестного русского офицера. Выходит, ты совершенно не дорожишь тем, что может с тобой случиться в России? — отчитывал я Морица.

Не дав ему вставить и слова оправдания, я резко отвернулся. Выражение лица Морица в этот момент стоило запечатлеть на холсте — смесь шока, подкатывающей тошноты и внезапного осознания того, что за ним непрерывно следили.

Я посмотрел на застывшего у дверей лакея, который, казалось, от страха старался слиться с деревянными панелями.

— Накрывать завтрак будешь здесь, на двоих, — бросил я уже будничным тоном. — Немцу принеси сто граммов водки, жирных горячих сосисок и холодного капустного рассола. А мне — как всегда и постного.

Может, я всё же несколько преувеличивал умственные способности этого человека? Он и сейчас растерянно хло-

пал покрасневшими глазами и искренне недоумевал, откуда у меня столь интимная информация. Вроде бы всё делал потихому. Даже три талера сунул дочке трактирщика, чтобы она держала язык за зубами.

Но девка расстаралась отнюдь не из-за денег. Рассказала моим людям всё в мельчайших подробностях, как и в каких позах, что обещал. Слезно просила прижучить заезжего гада, который не оправдал её пылких девичьих надежд. Ведь он, мерзавец, обещал жениться!

— Ваше Императорское Величество... — Мориц Саксонский шумно выдохнул, явно собираясь с мыслями. Удивительно, но заговорил он четко, совершенно не смущаясь своего положения: — Прекрасно осознавая то, что как только я — если на то будет угодно Вашему Величеству — стану мужем вашей несравненной, выдающейся дочери, то иных женщин мне больше не познать... Я решил не тратить время попусту. Своего рода это...

Мориц запнулся, явно не в силах подобрать нужных слов под моим тяжелым взглядом.

— Прощание с холостяцкой жизнью? — язвительно помог я ему.

— Вот! Ваше величество... лучше и не скажешь.

В этот момент лакей бесшумно поставил на стол поднос. Принесли чистейшую воду, слегка подкисленную лимонным соком. Именно с неё я начинал каждое своё утро, выпивая ровно стакан за двадцать-тридцать минут до еды. Полезная

привычка.

Мой гость тоже схватил предложенный ему хрустальный стакан и выпил воду с такой жадностью, будто три дня брел по пустыне. Правда, думаю, он сделал это далеко не для тех оздоровительных целей, которые преследовал я. Просто сушило его с похмелья, по всей видимости, невероятно жестоко.

— Содовой принесите моему гостю, — бросил я лакею, видя, что Мориц все еще облизывает пересохшие губы.

Да, той самой содовой. Дорогущего на данный момент напитка, ибо чистую пищевую соду найти сейчас не так-то легко. Вернее, очистить её до нужного состояния — та еще задача для местных аптекарей. Но разве же для русского Императора не найдется щепотка этого ценного вещества?

А вообще, техническое задание на создание прибора для искусственной газации воды уже получено Нартовым. Контроль за сборкой аппарата и жесткие требования изготовить его в самое ближайшее время были поручены Абраму Петровичу Ганнибалу.

Заодно хочу проверить изворотливость и находчивость моего арапа, оценить его коммуникабельность — как именно он распорядится подобным, казалось бы, пустяковым поручением. Тем более что я постарался максимально нагнать жути, объявив исполнителям, что этот «водяной сифон» — чуть ли не самое главное политическое событие в моей жизни.

А то мне пока кажется, что всем заправляет Нартов. Ганибалл словно бы и не на своем месте. Вот, нужно убедиться в этом, ну и шанс темнокожему крестнику дать.

Я отогнал посторонние мысли и потянулся к папке на краю стола.

— Итак, вот бумага. Думаю, что тебе интересно будет, — сказал я, протягивая Морицу плотный лист, исписанный аккуратным каллиграфическим почерком. Текст был составлен не на русском, а на польском языке.

Мориц осторожно взял протянутый документ. Слегка прищурился от головной боли, но уже через секунду впился взглядом в строчки, забыв о похмелье. Он стал жадно вчитываться в слова, которые были написаны под диктовку его отца — польского короля Августа Второго Сильного.

Я молча наблюдал за метаморфозой, происходящей с графом. Глаза еще молодого, в сущности, человека внезапно увлажнились. Губы дрогнули. И вот теперь передо мной сидел не блестящий европейский повеса, не кобель, который только и думает о том, как бы задрать как можно больше юбок вокруг себя. Передо мной сидел обиженный судьбой, недолюбленный мальчишка, который наконец-то получил то, о чем мечтал всю жизнь.

— Да, граф. Это официальное признание, — тихо, но веско произнес я, нарушая звенящую тишину кабинета. — С личной подписью и печатью твоего отца. Признание того, что ты — сын Августа. Удивительное и совершенно штуч-

ное дело. Бастардов, сыновей и дочерей, твой неутомимый папенька наплодил никак не меньше двух сотен. Но такой бумаги достаиваешься только ты.

Мориц медленно поднял на меня блестящие от подступивших слез глаза.

— Вы имеете такое влияние на польского короля? – спросил он.

Но обсуждать это влияние я не собирался. Да, имею. Он должен и мне и России столько, на самом деле... Еще отдавать придется. А то гляди ты... Денег столько брал от меня. А отдавать чем?

— Бумага эта... Оно сделано для того, чтобы в Европе было четкое понимание: моя дочь выходит не за безродного ублюдка, а за человека, достойного себя, — жестко продолжил я, возвращая его с небес на землю. — Но взамен ты прямо сейчас напишешь безоговорочный отказ от каких-либо притязаний на польскую корону. Да, я знаю, что ты и без этого не имел на нее никаких законных прав. Но это нужно для надежности. Просто на всякий случай, чтобы твой венценосный отец спал спокойно и не сильно волновался.

— Или скорее польский сейм, – сказал Мориц.

— А я смотрю, ты политой интересуешься... Не нужно. Твое дело – война и победы. Триумфы полководца. А остальное – опасно, – сказал я.

Я говорил сурово, чеканя слова, а этот великовозрастный «мальчишка» сидел передо мной и чуть ли не рыдал, судо-

рожно сжимая в руках заветный лист бумаги.

О том, чьим бастардом он является, в Европе прекрасно знали все. Но это был классический секрет Полишинеля. Да, в лицо ему, может, напрямую и не плевали, но чаще всего дело ограничивалось тонкими, ядовитыми издевками.

В действительно значимых, высших кругах французской аристократии Морица не принимали за равного. Или же выпускали эпизодически — посмотреть как на забавную, экзотическую зверюшку, потешиться его выходками, а затем безразлично отправить восвояси, чтобы незаконнорожденный не мешал «нормальным» людям отдыхать.

Ну а второй эшелон светского общества Парижа, но не Версаля, вся эта мелкопоместная шелупонь, уже не был интересен самому Морицу. Поначалу я думал, что его бесконечные скандальные похождения, которые горячо обсуждались даже в весьма открытой и галантной Франции, были своеобразным криком отчаяния — способом любой ценой привлечь к себе внимание. И он этого добился: о графе судачили во всех парижских салонах.

Но сейчас, глядя на него, я засомневался. Либо этот человек настолько сильно увлекся своей скандальной ролью, что уже не мог остановиться и продолжал чудить по инерции, либо он действительно таков и есть — поверхностный, неутомимый повеса, думающий лишь тем местом, что ниже пояса. И если верно второе, то как, черт возьми, этот сумасброд в моей, иной реальности смог стать одним из величай-

ших полководцев Европы, маршалом Франции, не знавшим поражений? Может, я всё-таки переоценил его умственные способности?

Тем временем лакей уже расставил тарелки. Мы начали есть. Когда Мориц, получив мой снисходительный кивок, наконец-то дрожащей рукой опрокинул в себя рюмку ледяной водки, а затем торопливо запил ее мутным капустным рассолом, всё изменилось. Наблюдать за этим было даже забавно: граф скривился так, словно проглотил ежа, причем морщился он от ядреного рассола куда сильнее, чем от крепкого алкоголя.

Зато целебный эффект проявился мгновенно. Свинцовая бледность ушла, лицо Морица заметно порозовело. Мутный, похмельный взор вновь обрел привычную остроту и осмысленность. В кресле напротив меня сидел уже не растерянный бастард, а собранный, опасный хищник. Военный.

Пора было переходить к делу.

— Я поставлю тебя полковником в Первый Новгородский пехотный полк, — будничным тоном произнес я, отрезая кусок горячей сосиски. — Твоя задача — в самые короткие сроки сделать из этого полка эталонную, показательную часть. Деньги на это я выделяю, не поскуплюсь. Полк должен стать таким, чтобы в учебных баталиях играючи громил любые другие наши соединения. Да и французские, австрийские, уж тем более, что турецкие. Если ты справишься с этой задачей — тогда мы предметно поговорим о том, чтобы я

вручил тебе дивизию.

Я отложил нож и тяжело посмотрел ему в глаза.

— Мне нужен полководец, Мориц. Тот, кто станет железной рукой приводить Россию к победам. Но пока о наших планах — никому ни слова. Ты меня понял?

Граф выпрямил спину. От прежней растерянности не осталось и следа.

— Могу ли я задать вопрос, Ваше Величество? — его голос звучал твердо. — Почему именно я?

Вопрос был весьма правильным, логичным, вот только полноценно ответить на него я не мог при всем желании. Не могу же я признаться, что читал о нем в учебниках истории и военных монографиях будущего! Что прекрасно знаю: этот бабник и гуляка — один из самых выдающихся военных гениев современности. Тот самый человек, который сможет, еще до появления гениев Петра Александровича Румянцева и Александра Васильевича Суворова, стать локомотивом и флагманом русской военной мысли.

— Потому что я наслышан о ваших талантах, граф, — я позволил себе легкую полуулыбку. — Я знаю, что свой личный полк, который вы купили во Франции, вы привели в идеальный порядок. Вы умеете муштровать солдат. Разумеется, здесь, в России, есть некоторые национальные особенности службы, которые нужно будет строго учесть. Я подробно расскажу вам о них при наших следующих встречах. И нужно думать о том, что соединения должны уметь громить турок,

прежде всего.

Я сделал паузу, отпил из бокала, и, не удержавшись, насмешливо добавил:

— Кстати, Мориц... Если вы “купили” полк во Франции, как какую-нибудь ферму, не значит ли это, что его можно целиком перевезти сюда, в Россию? Вместе с амуницией?

Я тихо рассмеялся, видя, как вытянулось лицо Морица от такой наглой перспективы. Меня искренне забавлял сам факт: в «просвещенной» Франции можно было просто взять и купить себе полк за звонкую монету! Самому учить его, участвовать с ним в европейских войнах, считая солдат едва ли не своей частной собственностью. Отсюда и дом построить полком можно и пограбить в походах, чтобы вернуть свои вложения.

И я еще после этого в чем-то обвиняю, отчитываю и наезжаю на своих русских военных деятелей, сетую на их коррумпированность? Воистину, всё познается в сравнении.

— Боюсь, что не смогу, — Мориц развел руками. — Но стоимость моего полка сильно увеличилась с моим приходом. Так что я смогу его весьма выгодно продать.

Сделав этот жест, гость совершенно не подумал о том, что в его правой руке была зажата вилка с наколотой на нее сочащейся горячим жиром колбаской.

— Вы крайне неаккуратны, граф. Просто удивительно, как вы вообще смогли сделать аккуратным целый полк, — холодно заметил я, с легкой брезгливостью наблюдая, как

несколько мутных капель жира шлепнулись прямо на бархат камзола моего будущего зятя.

Я еще некоторое время спокойно завтракал, наслаждаясь тишиной, но из-за тяжелых дубовых дверей кабинета уже начали доноситься звонкие, возмущенные крики моей златовласой дщери. Охрана, следуя приказу, ее не пускала, а она явно рвалась вовнутрь — до смерти хотелось своими глазами увидеть заморского жениха. Я вздохнул, вытер губы салфеткой и дал знак Корнею открыть двери.

Елизавета ворвалась в кабинет, словно рыжий ураган. Но, сделав лишь несколько стремительных шагов в моем направлении, вдруг замерла как вкопанная. Она встретилась глазами с Морицем.

Женишок тут же подскочил с места и окаменел. Он рассматривал ее жадным, откровенно похотливым взглядом, буквально раздевая глазами, словно меня — Императора и отца — здесь вообще не было.

Елизавета ничуть не уступала. Стояла и бесцеремонно, словно породистого жеребца на торгах покупала (разве что в рот не залезла зубы проверять!), оглядывала своего суженого с пяток до самой макушки. Воздух между ними, казалось, можно было резать ножом — искра пробежала такая, что хоть порох поджигай.

— Что, Лиза, годный? — с ироничной усмешкой спросил я по-русски, разбивая звенящую тишину.

— Точно не урод, — фыркнула Лиза, не отрывая от фран-

цуза горящего взгляда. — Коли иных на торговых рядах нынче не сыскать, то и этот товар пойдет.

А затем эта интриганка перешла на ломаный французский, решив блеснуть великосветскими манерами. Изобразила глубокий изящный книксен, да так ловко стрельнула глазками, что вначале сама демонстративно скосила взгляд на свое впечатляющее декольте, властно направляя туда же взор мужчины, а затем ехидно посмотрела ему прямо в лицо. Змея, не иначе! Впрочем, Мориц испытание выдержал — пялился с откровенным мужским одобрением, ничуть не тушуясь.

Ох, чует мое сердце, вот это будет семейка... Как бы мне еще сотни раз не пожалеть о своем политическом выборе. Впрочем, Морица всегда можно будет сослать куда-нибудь на границу, в глушь, командовать войсками. А вот за Лизой нужен глаз да глаз, чтобы в ее окружении, не дай бог, не нарисовался какой-нибудь певчий Разумовский или смазливый гвардеец вроде второго Бутурлина.

— Всё, Лиза. Забирай своего женишка и ступайте ворковать в сад. Недосуг мне более с вами сидеть, — сказал я и махнул рукой Корнею, приказывая проводить молодых. — Под присмотром будете. Не шалите. Пока...

Я продублировал свои слова на немецком языке. Мориц расплылся в широченной улыбке, продемонстрировав, кажется, идеальные зубы. Внебрачный сын польского короля быстро взял инициативу в свои руки: галантно поклонился

и, предложив Елизавете локоть, пригласил ее на променад. Лизавета могла сколько угодно строить из себя придирчивую покупательницу, но было невооруженным глазом видно: парень ей до одури понравился. Впрочем, какой он парень? Вполне сложившийся, битый жизнью молодой мужчина. Тот, кому давно пора остепениться и на кого я возлагаю огромные надежды — как для себя, так и для будущего всей России.

От автора:

Он попал в тело лётчика Красной Армии в июне 41-го. Раз за разом он поднимается в небо, приближая Победу. Вот только фашисты объявили за его голову баснословную награду, и теперь в небе за ним охотятся лучшие асы Геринга

<https://author.today/reader/574657>

Глава 2

Петербург.

10 марта 1725 года.

Тема Маши все же затуманилась. И слава Богу. Нет, мы обменялись с ней письмами. И я даже думаю, что они будут интересны для потомков. Красиво писал я, изящное письмо, подтверждающее блестящее образование моей женщины, прислала Мария Дмитриевна Кантемир.

Она была принята при дворе польского короля Августа и этот факт меня сильно напряг. Более известного на всю Европу любителей женщин пока нет, еще не вошел в этом показателе в зенит Людовик XV. Но тут или доверяй, или прекращать отношения.

Так что я в очередной раз прочитал письмо, улыбнулся, позавтракал в грехе, ибо великий пост, а я тайком вареные яйца потребляю. Ну не могу я изменить свой рацион правильного питания. Только-только силы стали возвращаться.

Подумав о том, что мне скучно есть самому, я выдохнул и начал собираться на тренировку.

Облачившись в подобие легкого спортивного костюма (который для местных выглядел, скорее, как странное исподнее), я находился в тренировочном зале. Вытирая со лба пот, я жестко, в полную силу показывал болевые захваты и броски Корнею и шестерым его кандидатам в помощники. Из

этой шестерки я планировал безжалостно отсеять половину неуспевающих. Зато оставшиеся станут поистине смертоносными бойцами и надежным костяком моей личной охраны.

Наверное, всё дело было в настойке на бобровой струе, которую я регулярно принимал — именно она делала меня просто двужильным. Откуда иначе бралось столько дикой, бьющей через край энергии? Вспомнить хотя бы недавние дни: когда Мария Кантемир должна была уезжать, мы отложили ее отъезд аж на двое суток. Я банально не мог ею насытиться. Чуть было не забросил к чертям все важнейшие государственные дела, на двое суток практически не вылезая из нашей измятой постели...

Да, легкая общая слабость еще давала о себе знать. И при мочеиспускании внутри порой не то чтобы жгло, но неприятно пощипывало — эхо затяжной болезни. Но всё это были уже сущие пустяки, жалобы почти здорового человека. Само осознание возвращающейся силы нравилось мне, оно буквально пьянило.

Именно поэтому я решил, что пора возвращать тело в тонус и приступать к регулярным физическим упражнениям. Понятно, что о полноценных силовых нагрузках или жестких спаррингах речи пока не шло, но махи, приседания, базовая растяжка и легкая отработка ударов и захватов были мне уже вполне по силам. Пусть не по полтора-два часа, как раньше, в иной жизни, но интенсивные полчаса я должен выдерживать. Без физических нагрузок проживу меньше. А я

жить хочу.

— Встать, — негромко приказал я.

Шестеро бойцов, взятых Корнем где только можно, в основном из казаков, поднялись.

Тренировка уже шла. Я смотрел за тем, как потенциальные мои телохранители буткали друг друга, как они пробовали нейтрализовать того, кто с деревянным ножом. Слабо. Не так, что “эх, размахнись моя рука”, но близко к этому. Исключение составлял сам Корней, но с ним мы уже немного занимались, пусть часто и в виде моих устных наставлений.

Ну я и вышел, с полсилы показал. Нет, кунг-фу не было. А вот жесткость и прагматичность — да.

— Вы деретесь, как благородные девицы на балу, Корней, — я прошелся вдоль строя, поигрывая деревянным тренировочным ножом. — Вы привыкли сходитьсь стенка на стенку. Привыкли махать сабелькой. Мне иное от вас нужно.

Один из гвардейцев, здоровяк по имени Степан, насупился:

— Не взыщи, государь... Но как же можно-то? Ты мне в глаза пальцами ткнул, а потом ногой в срамное место... Это ж подлый бой, разбойничий!

— Подлый?! — Я в два шага оказался возле него. Мой рост позволял смотреть на этого бугая сверху вниз. — А убийца, подосланный ко мне с отравленным стилетом, будет вызывать меня на честную дуэль? Он ударит из-за портьеры. В спину. В толпе.

Остальные четверо замерли, как соляные столпы.

— Запомните первое правило! — сказал я. — Никакой чести. Никакой жалости. В прикладном бою нет правил. Есть только одна цель — выбить угрозу за одну-две секунды. Рвите уши, выдавливайте глаза, ломайте колени, бейте в уды, рвите кадыки. Ваша задача — не победить в турнире, ваша задача — чтобы тот, кто достал нож, сдох на месте от болевого шока или потери крови. Поняли?!

— Поняли, батюшка, — прохрипел Корней.

— Теперь второе. Работа личной охраны. — Я бросил деревянный нож на землю. — Забудьте то, как охраняли государей раньше. Вы идете вокруг меня толпой и пялитесь мне в затылок. Зачем?! Что вы там не видели?!

— Так ведь... блюдем, Ваше Величество.

— Блюсти надо не меня! Я не хрустальная ваза, сам за себя постою! — Я выстроил их на опилках. — Становитесь. Вы четверо — по углам. Ты, Степан — впереди, ты, Федор — сзади. Вы двое — по бокам. Корней — ты моя тень, идешь в шаг от меня справа.

Я встал в центр этого живого квадрата.

— Это называется «ромб». Запомните это слово. Каждый из вас смотрит только свое. Степан смотрит вперед. Федор оборачивается назад. Боковые секут толпу по флангам. Вы ищите глазами людей, которые прячут руки под плащом. Людей, которые проталкиваются сквозь толпу. Тех, у кого безумный взгляд.

Я положил руку на плечо Чеботарю.

— И самое главное. Третье правило. Корней, если из толпы выскочит человек с пистолем или бомбой... Что ты сделаешь?

— Заслону тебя грудью, государь! Зарублю супостата! — горячо выпалил ветеран.

— Дурак, — ласково сказал я. — Если ты кинешься рубить супостата, второй убийца, которого ты не заметил, спокойно застрелит меня. Твоя задача — не убивать. Твоя главная задача — закрыть меня, но быстро увести!

Я внезапно схватил Корнея за ворот и дернул на себя:

— Слушать мой приказ! В случае нападения вы забываете, что я царь, император и помазанник Божий! Вы не кланяетесь! Ты, Корней, обязан сбить меня с ног. Повалить в грязь. Накрыть своим телом, как и сделал это уже единожды. А остальные смыкают щиты и тащат меня в безопасное место. Заталкивают в карету, бросают за угол, кидают в канаву — плевать! Тело государя должно быть выведено с линии огня любой ценой. А уже потом достаете свои тесаки и режете всех подозрительных на ремни. Ясно?

Они молчали. Сбить царя с ног? Повалить в грязь? В их веке за такое сажали на кол.

— Я спрашиваю, ясно?! — мой рык заставил задрожать стекла.

— Так точно, Ваше Величество! — гаркнули шестеро луженых глоток.

— Вот нож. Смотрите, как его можно выбить, — я кивнул на короткую деревяшку в руках Корнея, которой он мне притворно угрожал, изображая уличного татя.

Едва он сделал осторожный выпад, я резко сместился с линии атаки, жестко перехватил его запястье, подбил плечом руку «нападающего» снизу вверх и с силой вывернул ее на излом. Корней глухо охнул и послушно осел на татами, выронив деревяшку.

Не сказать, чтобы рукопашный бой был прямо моей стихией. В прошлой жизни я увлекался им, свято полагая, что эти навыки сильно пригодятся мне на современной войне. И жестоко ошибался. Там — ни разу не пригодилось.

А вот здесь, в реалиях восемнадцатого века, где исход сражения часто решается лицом к лицу, рукопашный бой уступает по важности разве что умению виртуозно колоть штыком. Плотный контакт с противником здесь неизбежен, и пара нестандартных приемов может спасти жизнь.

— Всё, закончили, — тяжело дыша, скомандовал я ровно через полчаса после начала разминки. С меня градом лил пот. — Теперь самостоятельно отрабатываете связки ударов руками и ногами по мешкам. После чего всем умыться и составить порядок дежурств при мне.

Для меня на сегодня нагрузок было более чем достаточно. А вот этим парням, моим будущим универсальным бойцам, предстояло попотеть дольше.

Получив от меня утром базу по военно-прикладному бою,

днем они переходили к куда более интенсивным тренировкам. Они не только до одурения закрепляли показанные мной связки, но и брали уроки у выпisanного мной испанца — лучшего частного инструктора по фехтованию на шпагах во всем Петербурге. В свою личную безопасность следовало вкладываться основательно, не жалея ни сил, ни казны.

К тому же, глядя на этих крепких, злых до драки парней, я понимал: это не просто телохранители. Это зародыш, основа для той самой диверсионной деятельности, которую я планировал развернуть в масштабах всей армии.

Сейчас в Европе для действий ДРГ — поле непаханое! Ни один враг не ожидает скрытных ударов в тылу, ни одна армия мира еще не имеет специальных подразделений подобного толка. И этим колоссальным преимуществом нужно пользоваться на полную катушку.

И я уже знал, что сказки про казаков сказками в своей основе и являются. Среди них могут быть, конечно, неплохие индивидуальные бойцы, но чаще сего они уступят подготовленному гвардейцу. Пластуны же, так называемые, мной пока не выявлены. Это не значит, что нет. Как раз диверсанты из казаков могут выйти куда как лучше, но уверяли меня, что таковых не имеется. Среди донцов? А среди запорожцев?

Сегодня выдался на редкость насыщенный день. В целом, после отъезда Марии Кантемир я изо всех сил старался перезагрузить голову и не думать о ней. Получалось это, откровенно говоря, со скрипом. Поэтому я намеренно перегру-

жал себя работой — важной, неотложной, изматывающей до предела, чтобы к вечеру сил не оставалось даже на мысли о плотских утехах.

Но новое, могучее петровское естество брало свое. Оно ультимативно, до дрожи в руках требовало женской ласки. И пугало то, что тело жаждало уже не обязательно объятий любимой женщины — ему была нужна разрядка как таковая. Да уж, с такой буйной физиологией мне придется весьма непросто.

Так что я беспокоюсь, как там Мария в Варшаве у Августа, а сам думаю уже потешить свою плоть, чтобы думалось спокойнее о делах государственных, а не о прочем. Но держусь. Пока...

— Как ты, дочка? — тепло спросил я у Натальи Петровны.

Ответ, по сути, и не требовался. На девичье лицо вернулся здоровый цвет, впалые щеки заметно округлились, а отменный аппетит после такой тяжелой болезни, как корь, был лучшим признаком того, что молодой организм уверенно поборол заразу.

— Вашими молитвами да заботами, батюшка, — скромно улыбнулась моя умница.

Она сидела рядом со мной за общим столом. Ее заразность давно сошла на нет: насколько я помнил из медицины своего времени, подхватить корь от больного после появления сыпи можно лишь в течение очень короткого срока. А

с того страшного дня прошло уже больше трех недель. Так что можно вводить в семейные приемы пищи.

Сегодня Наталья впервые разделяла с нами семейный ужин. На душе у меня пели ангелы, а радость была такой всепоглощающей, что приходилось прикладывать немало усилий, чтобы сдержаться и не сидеть с глупой, счастливой улыбкой на лице.

День вообще выдался крайне удачным. Получилось запустить в производство работающий, с исправленный от “детских болезней” прядильный станок! Начали думать о ткацком. Теперь прямо там, в токарной мастерской, мастера соберут еще двадцать таких же аппаратов. Поставим в Петербурге небольшую фабрику, посмотрим на ее ликвидность и эффективность труда. И, сдастся мне, результаты меня весьма приятно удивят.

А за другим концом стола сияла Лиза. У них с Морицем Саксонским случилась такая бурная симпатия, что я даже несколько опешил. Моя златовласая бестия, дочь, показала всё, на что способна, и, видимо, настолько очаровала своего будущего супруга, что тот теперь ходит за ней как привязанный, глаз не отводя.

Мне, как отцу, было даже несколько неловко задумываться, “что” именно она ему там показала. Агенты Тайной канцелярии сбились с ног, но так и не смогли дать мне точный ответ: в девках еще ходит моя дочка, или бурная кровь взяла свое и она уже не вытерпела, нашла возможность согрешить,

да еще и в великий пост, с женихом. Сама Лиза на мои хмурые намеки лишь звонко рассмеялась.

— А что, батюшка, — лукаво сверкнула она глазами, — соглядатаи твои хваленые не углядели?

И оставалось лишь мысленно признать: да, не углядели.

Сегодня она ужинала вместе со своим женихом. Зато Карла Фридриха Голштинского — жениха старшей, Анны — за этим столом не было. Пришлось отправить его в родное герцогство. И не одного, а в сопровождении сразу трех русских драгунских полков.

Эти штыки и сабли должны были при необходимости быстро охладить буйные головы тамошних дворян, недовольных подписанием такого кабального для Голштинии союзного договора. Думаю, что там и прусские, может даже и датские, агенты влияния могут воду мутить.

Этот будущий зять должен вернуться через месяц, как раз утряся все дела с вассалами. Как раз закончится Великий пост, отзвенят колокола, и недели через две после Пасхи мы сыграем свадьбы. Сперва выдадим замуж старшую, а затем — младшую.

Что же до неугомонного Морица Саксонского, то я хотел бы к моменту венчания получить четкое понимание: способен ли этот прославленный рубака сделать из вверенного ему полка образцовую боевую силу. Если справится — доверю дивизию и позволю масштабировать его методы обучения на армию.

Удивительно, в какой теплой, почти домашней атмосфере проходил этот ужин.

— А знаете, дедушка, оказалось, что арифметика — не такая уж и скучная наука! — похвастался мне наследник престола, юный великий князь Петр Алексеевич. — Я всё выучил и теперь совсем готов ехать на охоту!

Он еще иногда замыкался в себе, мог посмотреть на меня волчонком. Но детская психика гибкая, отходчивая, так что чаще стал улыбаться Петр Алексеевич. И это хорошо

— Вот пройдет Великий пост, отгуляем свадьбы, и после обязательно съездим в леса, — с улыбкой пообещал я. — И я лично составлю тебе компанию.

Парнишка, конечно, разочаровался. Характер у него был такой: если уж что в голову взбрело — вынь да положи прямо сейчас. Но тут деваться некуда. Императорская семья должна и причащаться, и поститься. Тем более что на носу расширенное заседание Святейшего Синода, и мне к нему нужно подойти так, чтобы ни у кого не возникло даже тени сомнения в том, что русский царь — истинно православный.

Меньше будет поводов обвинить меня в каких-то непотребствах или того хуже — в ереси. Церковники — они хоть и жестко прижаты к ногтю моим предшественником в теле императора, но, как я уже понял, за словом в карман не полезут. Что думают, то в лицо и выскажут.

Между тем дискуссия о судьбе старообрядцев уже всюду проникла в русское общество. Можно сказать, тут сработало

привычное придворное лизоблюдство или же искренняя вера вельмож в то, что что бы я ни делал — всё идет на благо Отечеству.

В высшем свете открыто заговорили о том, что раскольников нужно обязательно включать и в военную машину России, и в ее экономику. Что негоже разбрасываться людьми, когда многие податные и потенциально крепостные крестьяне сжигают себя в скитах, сбегают за пределы державы или прячутся в таких дремучих лесах, откуда государственная машина достать их не может.

И в моей ближайшей команде не осталось никого, кто бы сейчас реально выступал за продолжение гонений на старую веру. Может, еще и потому, что вокруг меня полно немцев, а им вообще глубоко безразлично, какими перстами крестят-ся русские мужики. Их волнует лишь прагматичный расчет: чтобы рекрутов можно было брать чаще и больше, да выбирать парней покрепче и пооткормленнее, если получится привлечь к этому делу еще и раскольников.

Хотя на рекрутчину я бы так радикально не смотрел. Насильно забритый в солдаты упертый старообрядец будет создавать в армии только проблемы.

— Дедушка! — не унимался Петр Алексеевич. — А ты знал, что в Диком поле, у Азовского моря, можно выращивать много хлеба? Так много, что накормить им всю Россию можно! — с восторгом спрашивал он.

Я лишь довольно усмехался. Антиох Кантемир оказался

действительно невероятной находкой. Я даже не предполагал, насколько важным винтиком он станет в системе образования и воспитания будущего русского императора.

Молодой, озорной Кантемир не был тем сухим, скучным наставником, который заставлял бы Петра Алексеевича тупо зазубривать материал. Он объяснял всё наглядно, специально заказывал у художников красочные рисунки и карты.

И при этом они много гуляли: уроки часто проходили прямо во время конной прогулки. Так, пока будущему государю было интересно, он жадно впитывал информацию. Причем не под запись, а просто слушая увлекательную историю. Скучные материи легко усваивались, и тут же разговор мог плавно перетечь на совершенно другую тему — даже слегка запретную, вроде бесед про женщин и любовь.

Но не обходилось, конечно, и без зубрежки. Как, например, с таблицей умножения, которую юный государь всё-таки осилил.

А вот у Посошкова стать столь же интересным наставником не вышло. Экономика и сложные хозяйственные расчеты оказались для Петра Алексеевича таким дремучим лесом, что мне еще предстоит крепко поломать голову над тем, как же всё-таки сделать из этого неусидчивого мальчишки адепта экономического развития страны.

Да, общее настроение за столом, конечно, меня радовало. Но то, что лежало у меня на тарелке — не особо. Гречка, тушеная капуста, горох — это всё неплохо, но как же тоскливо,

когда ко всему этому великолепию нельзя добавить тройку сочных куриных котлет, отварную грудку или хотя бы пару вареных яиц! На самом деле, свою порцию животного белка я всё-таки получу: когда вернусь к себе в кабинет, мне тайком принесут вареные яйца. Но как же мне претило есть украдкой, словно какой-то воришка!

— Да, на свадьбу твою, Аннушка, прибудет еще и польский король, — как бы невзначай сказал я, но усмешка моя была адресована Морицу.

Да и Анна прекрасно поняла, что не к ней на венчание потащится польский монарх, а прежде всего ко мне на поклон. Ну и, возможно, захочет повидаться со своим незаконнорожденным сыном.

Мориц как хотел закинуть в рот огурец, так во рту с ним и остался, вызывая задумчивость у Елизаветы таким вот видом ее жениха.

Я не просто пригласил Августа посетить Россию. Я отписался ему настолько жестко, что, по сути, поставил ультиматум: если не приедет, то пусть возвращает России все те деньги, которые мой предшественник вливал в него, практически не считая.

Документы эти в моем кабинете, к удивлению, имелись в полном объеме. Сотни тысяч рублей уходили на откровенный шантаж со стороны польского короля! Мол, буду вынужден выйти из Северного союза и, может быть, даже встать на сторону Швеции в войне, если у меня, конечно, не ока-

жется достаточного количества денег. То сто пятьдесят тысяч стрясет, то двести. И при этом Россия остро нуждалась в этих деньгах.

Петр Алексеевич, как я видел из дубликатов писем, изрядно нервничал, призывал союзника с умом тратить русские субсидии. Но где же это видано, чтобы такую халяву тратили на дела, нужные прежде всего России?

Поэтому в письме я не стал тонко намекать, а прямо заявил, что пора бы начать возвращать долги, которые Речь Посполитая имеет перед Российской Империей. И добавил, что расплатиться можно и чем-то другим.

Например, тем, чтобы Курляндия официально вошла в состав России. Не мытьем, так катаньем, но это будет сделано! И это единственное условие, за которое я готов простить своему венценосному «коллеге» то, что он спускал русские деньги на своих бесчисленных любовниц, ставя на амурном фронте такие рекорды, до которых даже моему любвеобильному предшественнику было ой как далеко.

Европейским политикам уже и так невооруженным взглядом должно быть заметно, что именно я выстраиваю. Голштиния де-факто стала вассальным государством по отношению к России. Курляндия пока еще не совсем наша, но влияние Петербурга в ней уж точно не меньше польского. Если к этому всему прибавить в обозримом будущем еще и Восточную Пруссию, то вплоть до датских проливов всё южное побережье Балтики окажется под нашим исключительным кон-

тролем.

И даже больше того: ведь та же Голштиния имеет выход к морю с другой стороны, за датскими проливами! При желании можно будет выстроить логистику в обход узкого балтийского горлышка, перегружая товары посуху. Путь из того же Лондона в Петербург, конечно, увеличится дней на пять, но зато эта транспортная артерия станет абсолютно независимой от чужого флота. И это вполне реальная перспектива.

И я видел, что все это возможно. Но... нам бы решить проблему на юго-западе. Татары собирают новый набег. Доколе?

Глава 3

Лондон

13 марта 1725 года

Тяжелые капли холодного лондонского дождя барабанили по мутным стеклам закрытого джентльменского клуба, размывая газовые огни уличных фонарей в грязные желтые пятна. Внутри, в полумраке приватного кабинета, густо пахло дорогим табаком, сыростью шерстяного сукна и застарелым портвейном.

Генри Сент-Джон, первый виконт Болингброк — яростный, непримиримый оппозиционер, ненавидящий всех тех, кто сейчас находился при власти в Англии, — глубоко сидел в кожаном кресле. Обозленный на страну, предавшую его идеалы, и на людей, которые эту страну сейчас представляли, он брезгливым, почти змеиным взглядом буравил человека, сидящего напротив. Человека, который за последние две недели буквально взбудоражил весь Лондон, да и не только столицу Британии.

Точно таким же цепким, холодным и оценивающим взглядом Кардигана изучал и второй джентльмен, тайно прибывший на эту встречу. Это был сэр Мэтью Деккер, влиятельный финансист и глава могущественной Британской Ост-Индской компании. У него были свои резоны и цели.

Болингброк хотел заручиться поддержкой Деккера, но здесь и сейчас они лишь ситуативные союзники, никак не друзья. Но джентльмены не показывали этого. Ссор между собой не желали, потому и концентрировали все свое внимание только лишь на Кардигане.

Ост-Индская компания – это почти что государство внутри Британии. Мощная организация, которая способна быть самостоятельным игроком в международной политике.

Хотя, если уж положить руку на сердце, дела у его хвальной компании шли сейчас не так чтобы замечательно. Проклятые голландцы в последнее время донельзя усилили конкуренцию на море, прекрасно понимая, что англичане нагло забирают у них и хлеб, и то самое масло, которое можно на этот хлеб густо намазать.

В воздухе над Ла-Маншем явственно пахло порохом. Грядет очередная торговая война с Голландией. Да она уже давно должна была бы полыхнуть пушечными залпами! Но этого не происходило по одной унижительной причине — кресло премьер-министра Великобритании сейчас занимал Роберт Уолпол.

Человек, который маниакально, до нервной дрожи избегал любых открытых конфликтов и конфронтаций, с кем бы то ни было. Уолпол наивно считал, что нужно прежде всего договариваться и торговать, а войн — избегать любой ценой. Мол, мир велик, всем в нем мест хватит. Деккер знал, что это заблуждение.

В прагматичных умах присутствующих здесь джентльменов никак не укладывалось: как первый министр не понимает, что без грохота корабельных орудий не может быть никакой прибыльной торговли? Или она становится столь ущербной, что львиную долю доходов приходится добровольно отдавать заклятым конкурентам на континенте.

Оба этих влиятельных человека сейчас встречались с никому не известным Кардиганом по своим собственным каналам. У каждого из них была своя, глубоко личная и корыстная мотивация.

Впрочем, у самого Кардигана эта мотивация тоже имела. И весьма существенная.

Запущенная им финансовая пирамида работала как идеально смазанный часовой механизм. Ценные бумаги так называемой «Русской компании» разлетались на лондонских биржах как горячие пирожки в базарный день. Едва были назначены и выплачены первые, показательно щедрые дивиденды тем, кто рискнул вложить деньги всего две недели назад, как началось настоящее безумие. Небывалый ажиотаж охватил английских капиталистов средней руки. Владельцы мануфактур, зажиточные торговцы, стряпчие — все несли свои фунты Кардигану.

Высшая аристократия пока высокомерно выжидала, приглядываясь из своих особняков. А вот низшие слои — портовые грузчики, чернорабочие, у которых за душой была хотя бы одна лишняя серебрушка, — как ни странно, не спе-

шили вкладывать последние крохи в сомнительное дело. Наученные горьким опытом нищеты, они оказались куда более прозорливыми и финансово грамотными, чем ослепленные жадной быстрой наживы держатели лавок.

Вместе с тем, Кардиган нутром чуял: вот-вот должна начаться просто истерическая мания на акции «Русской компании». Правильные финансовые вливания в прессу сделали свое дело. Несколько завуалированных, но твердо утверждающих экономическую состоятельность России статей в ведущих английских газетах упали на благодатную почву.

Стараниями проплаченных журналистов Россия в этих изданиях представляла как загадочная, невероятно могущественная страна, буквально стоящая на бескрайних залежах золота, серебра и металлов. Главный аргумент, ставший краеугольным камнем во всех публикациях, бил наповал: если эти русские смогли в пух и прах разбить непобедимую армию шведского короля, значит, их мощь и ресурсы безграничны!

Это был настоящий информационный прорыв. Густой негатив, который еще недавно намертво укоренился в британском общественном мнении по отношению к далекой Московии, начал таять на глазах. Скандальный разрыв дипломатических отношений четырехлетней давности, когда надменная Англия наотрез отказалась признавать за Россией статус Империи и страна в одночасье пропала с политической повестки Лондона, внезапно забылся. Теперь в кулуарах шептались только о баснословных, сказочных богатствах

русского царя.

Долгое, тягучее молчание в кабинете прервалось. Сэр Мэтью Деккер с тихим стуком поставил свой хрустальный бокал на стол из красного дерева, наклонился вперед и сцепил унизанные перстнями пальцы в замок.

— Вы начали очень скользкое дело, сударь, — произнес глава Ост-Индской компании, впиваясь в Кардигана немигающим взглядом. В его голосе отчетливо лязгнул металл. — Всё это уж очень сильно, до дурноты, похоже на ту грандиозную аферу с Компанией Южных морей. Я подозреваю, что ваши восторженные вкладчики в достаточно скором времени горько пожалеют о том, что понесли свое серебро вам...

Деккер сделал многозначительную паузу, сузил глаза и тихо, но убийственно серьезно добавил:

— Вот только... кому — вам? Кто вы такой на самом деле, мистер Кардиган? И на кого вы работаете?

— Вам ли этого не знать, сэр? — с легкой усмешкой ответил аферист.

— Да, я навел справки. Мои подчиненные подсказали, что вы тайно представляли наши интересы в России, выискивая, какие выгоды можно извлечь из той варварской страны. И тут вы объявляетесь в Лондоне, сорите деньгами, призываете вкладываться в какую-то сомнительную компанию, да еще и в обход меня, вашего непосредственного нанимателя! — процедил сэр Мэтью Деккер.

Тут бы Кардигану и насторожиться, тем более что гла-

ва Ост-Индской компании постарался вложить в свои слова максимум значимости и неприкрытой угрозы. Вот только русский император в своем агенте не ошибся. Опьяненный теми невероятными возможностями, которые сейчас перед ним открывались, Кардиган перестал бояться. Он подошел к той роковой черте, когда начинают действовать по принципу: «Будь что будет! Если уж и суждено прожить последние дни, то я проживу их так ярко, как это только возможно».

— Сэр, но я всё так же предан вам, — примирительно, но без тени испуга сказал Кардиган.

— Оставьте это! — повышая голос, почти выкрикнул Деккер. — Мы преданы деньгам и ничему более! Но это как раз тот случай, когда мы можем договориться.

О том, о чем именно предстоит договариваться, прекрасно понимали все трое мужчин, собравшихся в приватном кабинете неприметного лондонского трактира. И Кардиган был более чем готов к этим договоренностям.

В Сити ему уже прозрачно намекнули (а в ближайшее время могли бы перейти и к радикальным мерам), что столь бурная активность в финансовой сфере без должной поддержки и других выгодополучателей крайне вредит здоровью, порой и фатально.

Кардиган и сам отчаянно искал влиятельных покровителей, способных обеспечить ему защиту. Поэтому в душе он даже ликовал от того, как удачно сложились обстоятельства. Лучшее прикрытие для любой масштабной аферы — те са-

мые джентльмены, что сейчас сидели с ним за одним столом.

— Но смею вас заверить, сэр, что в России действительно нашли колоссальные залежи золота и серебра. Проблема в том, что у русских просто нет опытных рудознатцев, профессиональных горняков, которые могли бы всё это богатство извлечь из недр. Они оцепили районы в своей европейской части, но главная жила там, на Урале. Это такие дикие русские горы далеко на востоке, почти суровое, безжизненное пространство. И если добраться туда с правильными людьми, то можно взять очень много золота. Да, русский царь далеко не прост, с ним непременно придется делиться, но именно сейчас ему до зарезу нужны живые деньги, — вдохновенно выдавал полуправду Кардиган.

— Люди... часть от прибыли... — задумчиво говорил Деккер.

А у Кардигана почему-то именно в этот момент в памяти всплыла фраза, брошенная ему русским монархом на прощание: «Говорить правду всегда легко, даже если по своей сути она является абсолютной ложью». Такое византийство, когда говоришь вроде бы и правду, а на деле оказывается, что это ложь.

— Оставим эти досужие разговоры, — поморщился сэр Мэтью Деккер. — Золото Урала — это прекрасно, но мне нужны легальные, полновесные контракты с Россией. Этот идиотский разрыв дипломатических отношений катастрофически влияет на торговый баланс Англии и даже моей

компании! И нынешний премьер-министр, сэр Роберт Уолпол... даже он своей вечно сомневающейся головой это понимает. Но убедить короля Георга в том, что достаточно лишь переступить через гордость и официально признать Россию империей, чтобы в Англию хлынули торговые потоки — дешевая пенька, корабельный лес и прочие необходимые нам товары, причем не ручейками контрабанды, а бурным потоком... Убедить в этом двор пока не получается.

Пенька... Если она русская, то была более долговечная. И Деккер скрежетал зубами, когда приходилось подписывать бумаги на закупку французской пеньки, которая тоже хороша, но канаты из нее быстрее портились в южных морях, чем из русской.

На своем стуле третий участник беседы, до сих пор хранивший молчание, чуть подался вперед, всем своим видом показывая, что намерен вступить в разговор. Кардиган и Деккер тут же замолчали, обратив к нему взгляды.

Ярый оппозиционер, но при этом всё еще сохраняющий колоссальное теневое влияние в высших политических кругах Англии, Генри Сент-Джон, первый виконт Болингброк, присутствовал на этой тайной встрече из собственных, глубоко личных побуждений. Он откровенно и целенаправленно хотел раскачивать политическую лодку в Британии.

У него накопилось множество желчной ненависти и огромное число вполне резонных, острых вопросов к нынешнему правительству сэра Роберта Уолпола. И русская

интрига могла стать для него тем самым идеальным рычагом.

Вернувшись лишь полтора года назад из ссылки, виконт Болингброк развернул бурную деятельность. Король Георг посчитал, что эта политическая возня вполне уместна, опасаясь чрезмерного усиления влияния Роберта Уолпола — первого в истории премьер-министра Англии. Монарх резонно полагал, что лучше позволить аристократам грызться между собой в парламенте, чем допустить, чтобы вспыхнула еще одна революция и голова Георга не оказалась на плахе, как у одного из его незадачливых предшественников — Карла I.

— Мне нужны деньги для того, чтобы подкупать нужных людей и проводить свою политику. И где взять эти деньги, я уже знаю: у вас. Как видите, я с вами предельно откровенен. Настолько откровенен, что, если мы не договоримся, боюсь, в ближайшее время кое-кому придется очень плохо. Так что сбрасывайте маски, джентльмены. Поговорим серьезно, — жестко сказал главный английский оппозиционер.

— Я готов, джентльмены, — спокойно ответил Кардиган, прекрасно понимая, что с этими матерыми волками шулки шутить не пристало.

Они оба и Деккер и Болингброк — хотя об этом мало кто знал наверняка — были в свое время причастны к недавней грандиозной афере, до боли похожей на ту финансовую пирамиду, которую сейчас выстраивал сам Кардиган: к скандальной распродаже акций Компании Южных морей. Конеч-

но, через подставных лиц. Британская Ост-Индская компания тогда изрядно поправила свое финансовое положение, практически пустив по миру тысячи доверчивых вкладчиков.

Но, как с циничной усмешкой отмечали собравшиеся джентльмены, научить уму-разуму английских джентри не получилось. Одной масштабной аферы оказалось мало. Иначе как объяснить то, что они сейчас с таким же ослиным упрямством несут свои кровные деньги в «Русскую компанию»?

— Я правильно понимаю, Деккер, что ты желаешь действовать в обход английского правительства и начать с русскими полноценно торговать? — спросил Болингброк, беря на себя роль модератора этой тайной встречи.

— Так и есть. Мне уже доносили о том, что царские промышленники Демидовы начали тайком чеканить собственную монету. А это прямо говорит о том, что залежи серебра, а скорее всего, и золота на Урале — всё же не выдумка Кардигана и не миф. Русские засуетились, ищут в Голландии и у Габсбургов рудознавцев. Так что... был бы кто иной за всей этой аферой, то мог бы и я вложиться, — рассмеялся Деккер.

— А также, — прищурился виконт, — вы панически не хотите допустить, чтобы русские вошли в долю с Габсбургами и заполнили своими свирепыми солдатами абордажные команды кораблей Ост-Индской компании Австрийских Нидерландов?

Сэр Мэтью Деккер в знак согласия медленно кивнул головой.

— А вы, Кардиган? Способны ли вы подобное обеспечить? — перевел взгляд виконт.

— Думаю, донести ваше предложение до русского императора я способен. Причем в самое ближайшее время и даже не выезжая из Англии, — уверенно сказал Кардиган.

— Вот как? — искренне изумился Деккер. — Неужели сам русский царь в доле с вами?

Кардиган многозначительно промолчал, позволив им самим додумывать масштабы его связей. Похожее прикрытие, пусть и не высказанное, как посчитал аферист, увеличит его значимость.

— Но мы же договорились, что будем говорить откровенно, — напомнил Болингброк. — Впрочем, так даже лучше, если русский император действительно в доле и будет знать обо всем, что мы здесь собираемся проверить. Это лишь прибавляет весомости вашей фигуре в наших глазах.

— Кардиган, — немного подумав, изрек виконт. — Продолжайте делать то, что вы делаете. Политическое прикрытие в Сити и Парламенте мы вам обеспечим. Но за это я непременно буду иметь свою весомую долю во всей этой грандиозной афере. И запомните: о том, что мы сегодня встречались и о чем именно договорились, не должен знать ни один живой человек. Вы сами должны забыть об этом разговоре, как только каждый из нас поодиночке выйдет из две-

рей этого здания.

Кардиган молчал, лихорадочно взвешивал риски. Да, предложение было весьма существенным и чертовски своевременным. Без их поддержки афера с «Русской компанией» могла просто рухнуть под давлением властей. Но что подумает русский император, если Кардигану придется отстегивать изрядный кусок куша британским лордам? А какими-нибудь жалкими пятью процентами главный оппозиционер Англии вряд ли удовольствуется. Тут придется делиться всерьез.

— Мы ждем вашего ответа, сударь! — нетерпеливо потребовал Деккер.

— Разве он может быть иным, кроме как утвердительным? — обворожительно улыбнулся Кардиган.

В душе он уже прикидывал, как попробует обвести вокруг пальца и кинуть их всех вместе взятых. Но сейчас выбор был невелик. Без мощной поддержки в высших эшелонах власти Британии повернуть аферу такого размаха и остаться в живых было физически невозможно.

Петербург

13 марта 1725 года

Подвалы старого особняка Голицыных пахли сыростью, крысами и застарелым страхом. Тени от единственного масляного фонаря метались по кирпичным сводам, словно перепуганные летучие мыши.

Федор Лопухин, одетый в дорогой, но изрядно помятый камзол, вжался спиной в ледяную стену. Перед ним, тяжело дыша, стоял призрак. Тот, кого он ну никак не желал видеть, но лицезреть обязан. Родственник же.

Степан Васильевич Лопухин, сбежавший с Кольской ка-торги, мало походил на живого человека. Его лицо обветрилось до черноты, левого глаза почти не было видно из-за страшного шрама от кнута, рассекшего бровь и щеку. Но страшнее всего был его голос. В 1719 году палач отхватил ему кусок языка щипцами, и теперь Степан не говорил, а жутко, влажно шипел, брызгая слюной:

— Т-т-тфоего отца... Ф-федька... на колесе рвали! Сам видел. Да и ты был там, — Степан вцепился изувеченной, похожей на птичью лапу рукой в кружевной воротник племянника. — А ты... шелка носишь?! В ассамблеях ихних... вино пьешь?! Пока тетка наша, царица законная, в каменном мешке гниет! Крови... крови их надо! Всех немцев на кол! Царя-беса — в Неву!

Федор судорожно сглотнул, пытаясь оторвать от себя пальцы дяди. Лицо молодого графа покрылось испариной.

— Пусти, Степан Васильевич... Пусти, Христа ради! И не нужно всего этого, — зашептал Федор, затравленно оглядываясь. — Ты не понимаешь! Он сейчас сильнее прежнего! У него тайная канцелярия везде глаза имеет. Я... я не могу. Я служить хочу России. Не ему, России.

Федор зажмурился, и его затрясло.

— Я как закрою глаза... я до сих пор слышу дядьку. Как отцу кости ломом дробили на площади. Хруст этот... Я не хочу на колесо! Не пойду! Убьют нас всех, изведут корень Лопухиных до седьмого колена! Разве же мы таковые? Нами можно понукать и ломать? — сказал Степан Васильевич.

Он зарычал, занося кулак для удара, готовый растерзать трусливого племянника, но внезапно из густой тени в углу подвала раздался густой, властный голос:

— Колесо — удел бунтовщиков, чадо. А тех, кто бьется за веру святую, ждет венец мученический. Либо — слава земная.

Степан усмехнулся. Из мрака выступила высокая фигура в черной рясе. Золотая панагия на груди тускло блеснула в свете фонаря. Воздух в подвале мгновенно наполнился тяжелым, удушливым запахом ладана.

— Пришел, стало быть, владыко. Ну так ждал тебя, — сказал Степан.

Епископ Ростовский Досифей, Игнатий Смола, прибывший в Петербург на заседания Синода, двигался бесшумно. Его суровое, иссеченное морщинами лицо выражало холодную непреклонность. Он ненавидел императора всеми фибрами души — за колокола, перелитые на пушки, за упраздненное патриаршество, за то, что царь заставил духовенство служить государству, а не Богу. А теперь еще и на земли монастырские заглядывается.

Но главное... скверну раскольническую привечать соби-

рается. Вот что пересилило чувство страха. Досифей теперь готов хоть на костер за веру свою.

— Владыка... — Федор рухнул на колени, торопливо крестясь. Степан лишь угрюмо отступил на шаг.

— Ты слеп от своего страха, Федор Абрамович, — епископ подошел ближе, возвышаясь над стоящим на коленях юношей. — Ты думаешь победить Государя шпагой или ядом? Глупец. Он — Антихрист. Он не от мира сего умом живет. Но даже у беса есть слабость. И Господь вложил нам в руки оружие против него.

Епископ перевел тяжелый взгляд на изувеченного Степана.

— Не нужно гвардию подкупать. Народ сам растерзает Ирода. Надо лишь открыть им глаза на то, что творится в стенах дворца Зимнего.

— А ч-что там? — прошамкал Степан, щуря единственный глаз.

Тонкие губы владыки изогнулись в подобии улыбки.

— Мерзость перед Господом. Царь и его лекарь-немец Блюментрост впали в крайнее чернокнижие. Они берут кровь и гной от язв больных быков и коров... и вливают эту скотскую скверну в жилы православным христианам.

Федор потрясенно поднял голову.

— Зачем?!

— Чтобы убить в них душу живую. Чтобы сделать из людей стадо безмолвное, рогатое. Печать Дьявола ставят! —

голос епископа задрожал от тщательно сдерживаемого фанатизма. — Они называют это мудреным словом "вакцинация". Говорят, от черной оспы спасает. И ведь спасает, дьявольщина!

Владыка наклонился к самому лицу Федора.

— Вчера я видел их. Двоих татей из крепости. Им втерли коровий гной в разрезы на руках. А потом бросили в барак к умирающим от оспы. И что же? Все вокруг гниют заживо, а эти двое ходят среди смрада здоровехоньки! Ибо Дьявол своих бережет. Но они сбежали и в храме укрылись. Там и я оказался. Все Божье проведение. Увидел убогих тех мучеников...

Степан хрипло засмеялся. Звук был похож на бульканье крови в горле.

— П-печать беса...

— Истинно говорю вам, — епископ выпрямился. — На Сенной и у Гостиного двора будут тысячи людей, привечать епископов выйдут. Перед Синодом нужно показать царю, что Церковь люди любят даже в этом сатанинском месте в Петербурхе. Я благословил верных мне священников. Отец Иона выйдет на амвон и расскажет пастве, что царь льет им в кровь скотский яд. Что он делает из них зверей.

Владыка Ростовский протянул руку, унизанную перстнями, и властно положил ее на дрожащее плечо Федора.

— От тебя, граф, мне нужны люди в толпе. Те, кто первым крикнет в толпе: "Бей немцев! Бей чернокнижников!". Те,

кто принесет факелы к дверям аптек. Как только прольется первая кровь лекарей, толпу будет не остановить. Они снесут и гвардию, и дворец.

Федор смотрел на золотой крест на груди священника. Страх перед колесом отступал. Если весь город поднимется — кто найдет в этой кровавой каше одного графа Лопухина? Зато месть... Месть совершится руками одураченной черни.

Он медленно поднялся с колен. Стер со лба холодный пот. — Сколько золота нужно раздать заводилам на рынке, владыка? — тихо, но твердо спросил Федор.

Степан за спиной епископа оскалился в изуродованной, страшной улыбке. Пламя фонаря мигнуло, погрузив лица заговорщиков во мрак. Искры для русского бунта были высечены.

— Много... после с лихвой возьмете. И царица в граде нынче. Лучшего часу Господь не даст, — сказал епископ Досифей.

Глава 4

Петербург.

13 марта 1725 год.

Худое, но уже налитое мужицкой, жилистой силой тело, широкие плечи и — непропорционально большая голова. Словно бы головастик, ей-богу. Парень хмурился, прятал за спиной огромные, сбитые в кровь кулаки, но держался в моём присутствии на удивление крепко. Я бы даже сказал — с неким первобытным вызовом.

Стоило мне вперить в него свой знаменитый, тяжелый петровский взгляд, как он слегка тушевался, опускал глаза, но уже через мгновение упрямо вскидывал подбородок и снова смотрел исподлобья. Волчонком.

И ничего, кроме того, что парень вымахал рослым, своего я в нём не замечал. Вряд ли он мой бастард. Хотя, помнится, когда мой исторический предшественник ездил в Архангельск и Холмогоры, праведным образом жизни он там не отличался. Мял по углам каких-то румяных рыбачек да портовых девок... Но нет. Порода не та.

— Что, вопросом задаёшься, Михайло сын Васильев? Почему здесь стоишь? — нарушил я тишину, тяжело опершись кулаками о столешницу.

Парень вздрогнул от моего голоса, но тут же расправил плечи.

— Царь-батюшка... ума своего скудного не приложу, с чего сподобился я тебе, — ответил он.

Его голос ломался, перескакивая с юношеского петуха на густой, мужицкий бас. Говорил он не как забитый холоп с подростковым трепетом, а обстоятельно, с северной рассудительностью. Ну так и не мужик, не забитый крепостной, с гордостью.

Я мысленно чертыхнулся. Да, слегка я промахнулся. По какой-то глупой инерции памяти я ожидал увидеть если не мужа, то хотя бы зрелого молодого человека. А тут... То ли четырнадцать ему, то ли неполных пятнадцать. Хотя на вид, благодаря поморской кости, дашь все восемнадцать. Я-то губу раскатал получить чуть ли не готового ученого, чтобы сразу в лабораторию его запереть, а получаю недоросля, который пока не так чтобы бегло и читает.

Хотя, одернул я себя, всё равно ведь главное — что читает, умеет. Что на книгу смотрит, как на икону, прости Господи, а не как на растопку для печи. А ещё, судя по донесениям моих ищеек, пишет не так чтобы сильно плохо. Да, выводит свои каракули, сопя от усердия, но, не удивлюсь, если делает это уже сейчас более грамотно, чем мой венценосный реципиент.

— Царь-батюшка, — вдруг снова подал голос Ломоносов, сжав кулаки так, что побелели костяшки. В глазах его сверкнула злая, почти отчаянная искра. — А с чего так с моим батюшкой-то обошлись? Побили его твои люди шибко, когда

меня забирали...

В голосе его зазвенела откровенная претензия.

Смертник. Вот был бы на моем месте кто-то другой, а не человек из будущего, знающий истинную цену этому угловатому юнцу, — лежать бы сейчас Михайле на конюшне под батогами. За одну только интонацию, с которой смерд посмел обратиться к императору.

Но я смотрел на него, худую, тянущуюся ввысь фигуру с натруженными, покрытыми мозолями от корабельных канатов руками, и испытывал к этому мальчишке почти мистический пиетет. Человек, способный в одиночку возвысить русскую науку на небывалую величину. Титан.

Всякие там Остерманы, хитроумные Бестужевы, вороватые Меншиковы и изворотливые Шафировы — всё это тлен. Временщики, проходные фигуры на шахматной доске истории, если сравнить их с тем иррациональным чувством величия будущего, которое я испытывал сейчас к Михайле Васильевичу.

Именно поэтому на второй неделе своего осознания в новом теле я, едва разобравшись с самыми срочными делами, первым делом послал за ним. Даже не удосужился как следует покопаться в памяти, чтобы высчитать его точный возраст.

Впрочем, а может, оно и к лучшему? Глина еще сырая. Будем лепить.

Я медленно обошел стол и приблизился к нему вплотную.

Ломоносов вынужден был задрать голову, чтобы смотреть мне в лицо, но взгляда не отвел.

— Жить будешь при императорской мастерской, — веско, чеканя каждое слово, произнес я. — Сам учеником станешь. Будешь смотреть за всем, как устроено. Спрашивай у Андрея Константиновича Нартова обо всякой механике — он мой главный токарь, голова светлая. У военных инженеров спрашивай, как пушки льют да фортеции строят.

Я подошел к окну, за которым серело петербургское небо, и указал пальцем на шпили верфей.

— Книги тебе и другим ученикам в доступе будут. Всё, что есть в Петербурге по механике, кораблестроительству, по иным укладам производственным — всё это будет у вас для изучения. Но запомни, Михайло. — Я резко обернулся и впился в него тяжелым взглядом, от которого парень всё-таки вздрогнул. — Если иным ученикам читать и учить книги не обязательно, а лишь желательно... то ты — обязан. Понял меня? Это мой тебе царский указ.

Немой вопрос буквально застыл на широком, скуластом лице Михайлы. Он переминался с пятки на носок, нервно теребил край своего грубого кафтана. Губы его плотно сжались, но в глазах горело такое жгучее любопытство пополам со страхом, что было ясно: парня просто распирает изнутри. Он силился понять: почему он? С чего вдруг сам император выдернул его из родной северной глуши?

— Ну, не томи. Спрашивай, что хотел, — позволил я, тя-

жело опустившись в кресло с высокой спинкой и закинув ногу на ногу.

Михайло тяжело сглотнул. Кадык на его худой шее дернулся. А затем, словно бросаясь в ледяной омут с головой, он выпалил скороговоркой, краснея до самых корней жестких волос:

— Царь-батюшка... Прикажи тогда и тем языки укоротить, кто матушку мою порочит! Болтают злые люди... мол, в блюде она меня прижила. От тебя, государь! — Парень сжал огромные кулаки и шумно выдохнул через нос. — Да не бывает такого! Честная она жена была. Да и с батюшкой моим, Василием Дорофеевичем, не забалуешь. Он бы любому хребет переломил, будь кто посмел от матушки блюда потребовать! Хоть бы и...

Он осекся, побледнев, осознав, кому он сейчас посмел угрожать отцовским гневом.

Я усмехнулся уголком губ, хотя внутри всё неприятно сжалось. Да уж. Знал бы ты, парень... В моем будущем, откуда я родом, эти околонаучные байки о том, что гениальный Ломоносов — незаконнорожденный сын Петра Великого, будут гулять из столетия в столетие. И, учитывая буйный нрав и неумную похоть исторического Петра, наплодившего бастардов по всей России-матушке, дыма без огня в глазах потомков не было.

Признаться честно, в первые дни я и сам пытался копаться в чужой, доставшейся мне по наследству памяти моего вен-

ценосного реципиента. Пытался выудить хоть что-то о давних поездках в Архангельск и Холмогоры.

Куда там! При попытке вспомнить те визиты на Север, в голове вспухала тупая боль. Всплывало лишь сплошное хмельное марево, звон кубков, корабельные пушки да откровенно похабные сцены в жарко натопленных банях. Лиц не было видно, рубанок, корабельная доска, вино... Только еще потные, смеющиеся девки. От этих воспоминаний настоящего Петра мне, человеку из другого века, становилось банально стыдно.

Я снова внимательно всмотрелся в парня. В этом подростке, еще не набравшем солидного веса, угловатом, но уже по-медвежьи широком в кости, при особом желании все же можно было найти мои — точнее, петровские — черты. Тот же исполинский рост, та же челюсть, та же неумная, дикая энергия во взгляде. Но внутреннее чутье молчало. Мое «я» подсказывало совершенно четко: при блюде сердце и душа не включаются. Нет, глядя на Михайлу, я не чувствовал зова крови. Не мой он сын.

Впрочем, придворным сплетникам это не объяснишь. Сам факт: император отправляет агентов на край географии, притаскивает во дворец какого-то поморского недоросля — пусть и из крепкой семьи, но всё же смерда, — селит при своих личных мастерских и удостоивает аудиенции! Для знати это как удар кнутом. Пересуды не просто поползут, они взорвутся фейерверком грязных шепотков за спиной.

Я чуть прищурился, мерно постукивая пальцами по резному подлокотнику. А ведь если так подумать... оно и к лучшему. Пусть шепчутся. Пусть считают его моим бастардом. Эта негласная, косвенная, но железобетонная протекция станет для него лучшим щитом от придворных интриганов. Тень царского плаща поможет гениальному парню избежать сотен палок в колеса. Он сможет раскрыть свой дар в тепличных условиях и встать на путь величия на добрый десяток лет раньше, чем это случилось в моей, прошлой реальности.

Пока что передо мной стоял просто невероятно смышленный, упрямый, но абсолютно дремучий в научном плане подросток. Кроме церковных писаний, он толком ничего и не читал.

Но вчера мне докладывали: когда Михайлу впервые завели в залу Зимнего дворца, отданную под библиотеку для мастеровых и учеников... парень онемел. Офицер божился, что у Ломоносова глаза зажглись таким лихорадочным, голодным огнем при виде стеллажей с тысячами фолиантов, что оттаскивать его к столу пришлось чуть ли не силой.

Дай-то Бог. А если Бог даст искру, то уж я подсоблю — раздую из неё пожар. Я обеспечу ему лучших наставников. Может, нам и не понадобится отправлять Ломоносова за границу, в этот Марбург, тратить годы на скитания и пьянки со студентами. Мы построим науку здесь.

К лету в Петербург, если мои приказы выполнены в точ-

ности, должен прибыть из Базеля молодой швейцарец Леонард Эйлер. Вот он-то, по моей личной и очень настойчивой просьбе, и займется математической огранкой этого поморского алмаза.

Да и другим наставникам накажу строго-настрого: чтобы проверяли парня, спуску не давали, но и не мешали познавать этот мир, вовремя давая грамотные подсказки.

Вместе с тем, это, наверное, даже к лучшему, что Ломоносов будет околачиваться именно при мастеровых мастеровских, пропахших стружкой, железом и оружейным маслом. Тем более что все приезжие европейские светила — а я думаю выцепить для России еще немало светлых голов — будут двигать ту самую фундаментальную науку. А мне сейчас до резки нужна прикладная. База.

Пару-тройку законов физики, которые в этом времени еще даже не открыты... Да тот же самый закон сохранения массы и энергии, который, если история пойдет по проложенной колее, сформулирует как раз стоящий передо мной Михаил Васильевич! Я ведь его и сам опишу без особого труда. В школе я учился хорошо, слава богу. И немало чего, как оказалось к моему собственному изумлению, намертво засело в памяти со школьного курса.

— Всё, ступай, — я махнул рукой, обрывая затянувшуюся паузу. — А за то, что побили отца твоего, Василия Дорофеевича... так он должен был смиренно выполнять волю мою, царскую! А не кидаться с кулаками, а потом еще и с

бревном на солдат государевых. Ишь, буйный какой. Это у вас родственное.

Ломоносов при этих словах насупился, шумно выдохнул, но промолчал. Лишь желваки заходили на широких скулах. Видимо, живо представил себе картину, как батя гонял гвардейцев бревном по двору.

— И ты свой пыл поумень, — жестко добавил я, указав на его пудовые кулаки, сжатые вдоль туловища. — Последнее дело, чтобы будущий ученый муж кулаками махал налево и направо. Узнаю о драках — выпорю лично. Понял меня? Не отвлекайся. Учись. Читай, смотри, как устроена механика. Как машины работают. Они России нынче крепко нужны.

Я кивнул дежурному денщику, Степану, и отдал короткое распоряжение, чтобы парня отвели на кухню и накормили от пуза.

Михайло, услышав про еду, вдруг замер. Его взгляд, до этого дерзкий и колючий, моментально затуманился и намертво прикипел к пышному, румяному калачу, который слуги принесли мне загодя для чаепития. Запах свежее испеченного хлеба дразнил ноздри. Парень сглотнул с таким громким звуком, что в тишине кабинета это прозвучало как щелчок взводимого курка.

За императорский стол, в свою столовую, я его, разумеется, не пригласил. Это уж и вовсе вышло бы за все мыслимые и немыслимые рамки дворцового этикета — трапеза государя с непонятно кем, выдернутым из поморской грязи. Всему

свое время.

Тяжелая дубовая дверь за Ломоносовым закрылась. Я подошел к столу, отодвинул нетронутый калач и развернул плотный лист бумаги — список тех ученых умов, которые уже находились в Петербурге, и тех, кого я намеревался сюда затащить любой ценой. Многих придется покупать за очень большие деньги.

Взгляд скользнул по строкам. К моему огромному удивлению, в Петербурге уже обретались швейцарцы, братья Бернулли. Даниил Бернулли и его брат Николай Бернулли. Удобно — даже имена на русский лад переиначивать не нужно. Как и многие иностранцы, эти молодые ученые прибыли в загадочную Россию в поисках легких денег и быстрых чинов. Но вместо золотых гор столкнулись с суровой, пробирающей до костей реальностью недостроенного, промозгло-го Петербурга.

По моим донесениям, жили они тут чуть ли не впроголодь и уже паковали сундуки, чтобы навсегда бежать из столицы Российской империи обратно в уютную Европу.

Ну уж нет. Больше не собираются. И уж точно больше не выживают впроголодь. Буквально на днях, просматривая списки Академии, я рывкнул на интендантов, и теперь швейцарцев обеспечили всем необходимым: выдали щедрое жалованье и переселили в лучшие, сухие и просторные комнаты в одном из немногочисленных приличных трактиров Петербурга.

Отпускать их было нельзя. Эти братья исследуют жидкости, плотность, давление, глубины. Для нашего флота их мозги бесценны.

Я подошел к окну. За мутноватым стеклом серое небо тяжело нависало над шпилями верфей. Если положить руку на сердце, весь русский флот Петра Первого — это критическое, ситуативное явление. Суда клепали в безумной спешке, из сырого леса, что диктовалось жестоким ходом Северной войны и банальной невозможностью победить Швецию без побед на море.

Но теперь война окончена. Флотом нужно заниматься системно. На строгой научной основе. Нам нужно проектировать и строить новые корабли с правильными обводами, наводить железный порядок в военно-морском ведомстве, которое возникло стихийно и сейчас представляет собой такого бюрократического монстра, что с ходу и не поймешь, с какого бока к нему подступиться. А без гидродинамики того же Даниила Бернулли современные фрегаты, способные покорять океаны, не построишь.

Мой взгляд скользнул ниже по исписанному листу. Еще одного ученого — француза Рене Антуана Реомюра — я ждал в Петербурге с особым, почти хищным нетерпением.

С ним будет сложнее всего. Тут казне придется раскошелиться, и весьма неслабо. Имя у этого человека в Европе уже известное, весомое. Как раз недавно — кажется, года три назад — вышел его монументальный научный труд, трактат о

том, как ковкое железо превращать в высококлассную сталь.

Я откинулся на спинку кресла, задумчиво покусывая кончик гусиного пера. Стоит ли вообще объяснять самому себе или кому-то из моих вельмож, насколько критична подобная наука для России? Сталь — это не просто металл. Это превосходные клинки, это пружины для ружейных замков, это надежные инструменты и детали для тех самых машин, о которых я только что толковал Ломоносову. Это, в конце концов, хребет империи.

Я хочу предложить Реомюру трехлетний контракт на баснословных условиях. Хотя бы так, если этот рафинированный француз не согласится перебраться в наши снега на постоянное место жительства. Пусть приедет, получит щедрое финансирование и наладит передовое производство стали на уральских заводах у тех же самых Демидовых. Пусть вырастит кого-то из наших, толковых, чтобы те имели возможность продолжить дело, когда француз умоет руки. А потом — пусть бы и ехал обратно в свою прекрасную Францию.

Хотя, если честно, отпускать специалиста с такими секретами обратно к потенциальным геополитическим конкурентам ох как нежелательно. Придется хорошенько подумать, как сделать так, чтобы петербургский климат и русское золото пришлись ему по душе навсегда. Женить его может... А он женат? Подумаю.

Перо скрипнуло, выводя на полях следующее имя. Карл Линней.

Шведский подданный, и тоже подросток — ну, может, ненамного старше моего сегодняшнего гостя, Михайлы. Но этого призывать в Россию пока категорически рановато. Учить юного Карла Линнея ботанике, зоологии и всему тому, в чем он вскоре станет абсолютным императором от науки — с этим не справлюсь ни я, ни кто-либо другой в Петербурге. Нет у нас здесь такой компетенции. Банально не создана среда.

Но вот когда он выучится, заматерееет в своем Уппсальском университете... тут надо будет крепко раскинуть мозгами, как его переманить.

Конечно, после недавней Северной войны шведы люто злятся на Россию за отобранную Прибалтику и разбитый статус великой державы. Наверняка шведские ученые не особо будут гореть желанием приезжать сюда и работать на недавнего врага. Многие сочтут это за прямое предательство.

Впрочем, я прекрасно понимаю, что в это время к подобным вещам относятся не столь щепетильно, как в моем далеком будущем. Понятие «нации» сейчас еще достаточно размыто. Выгодная служба государю или королю, звонкая монета и условия для исследований — вот что главенствует в умах и мотивирует людей. Они служат не абстрактной крови, а конкретному монарху. Хотя сама идиома «служба Отечеству» уже прорастает в сознании, и именно на нее я постоянно делаю упор в своих речах.

Был в моем списке и еще один человек, которого я бы с

огромной радостью переманил в Россию. Более того, этого страстно жаждал и мой исторический предшественник. Настоящий Петр Великий был лично знаком со знаменитым голландским врачом Германом Бургаве, присутствовал на его лекциях в Лейдене и пришел в полный восторг.

Вот только Бургаве уже глубокий старик. Насколько я помню из петровской памяти, как его ни звали в Россию, какие горы золота ни сулили — этот человек так намертво прирос к своему профессорскому стулу и родному городу, что ему даже помыслить лень о переезде в дикую Московию. К тому же всемирно известного доктора одолевают возрастные болячки. А ведь он — настоящая звезда в еще только формирующемся европейском медицинском мире. Светило.

Ну что ж, если гора не идет к Магомету... Бургаве славится тем, что блестяще обучает молодое поколение. У него сотни последователей, десятки талантливых учеников. И все они сейчас отчаянно конкурируют между собой, да и с другими лекарями в маленькой, тесной Голландии, где острой нехватки в медиках и аптекарях давно нет.

А вот в России... В России каждый мало-мальски грамотный человек в этой сфере на данный момент — на вес золота! Здесь не лечат, здесь молятся да кровь пускают. И я готов платить это самое золото за умы и руки учеников Бургаве.

Я решительно обмакнул перо в чернильницу и подчеркнул имя голландца двумя жирными линиями. Нет, конечно, если бы случилось чудо и приехал сам старик Герман Бур-

гаве, он бы тут как сыр в масле катался, осыпанный почестями и деньгами. А вот его молодым и дерзким ученикам, если они решатся променять сытый Лейден на строящийся Петербург, придется делом доказывать, что они имеют право на эти деньги. Работы для них здесь непочатый край.

Я отложил список ученых и потер уставшие глаза. Теперь оставалось только ждать. Ждать ответного письма от знаменитого лейденского лекаря Германа Бургаве.

Чтобы подстегнуть неповоротливого старца, я пошел на беспрецедентный шаг: в письме черным по белому было обещано выплачивать по сто пятьдесят полновесных серебряных рублей за каждого присланного толкового ученика. Сумма по нынешним меркам колоссальная.

Это даже для светила европейской медицины деньги далеко не мелочные. И если самому Бургаве, стоящему одной ногой в могиле, мое серебро уже ни к чему, то его многочисленной родне оно точно пригодится. Я почти наяву видел, как жадные племянники и зятя мотивируют деда, чтобы тот наконец поднял свое седалище с профессорского стула и отобрал для русского царя десяток-другой неплохих последователей.

Медики мне нужны как воздух. Безусловно и срочно необходимо начинать кампанию по вакцинации.

Моему лейб-медику Лаврентию Блюментросту уже дано жестокое, не терпящее возражений задание: брать гной от больных коровьей оспой телок и втирать его — или как там

это правильно называется на латыни? — в специально сделанные надрезы на руках испытуемых. Уже проводятся эксперименты. И я жду со дня на день результаты.

С точки зрения морали моего родного, двадцать первого века — это, возможно, бесчеловечно. Подвергать живых людей медицинским экспериментам. Но когда я смотрю на списки этих «испытуемых» — матерых разбойников, лихоимцев и душегубцев, приговоренных к колесованию или петле, — мне их ничуть не жалко. Более того, я даю им невероятный шанс. Да, кто-то из них сгниет от горячки, не перенеся прививки. Но выжившие получают иммунитет и вместо плахи отправятся обживать морозную Сибирь. Справедливая сделка.

Но даже если Блюментросту удастся в скором времени собрать нужную статистику и научно подтвердить истинность этого метода, для запуска крупномасштабной кампании по всей империи потребуются не только огромные деньги. Прежде всего нужны люди. Те, кто будет грамотно делать эти надрезы, а не заносить в рану гниль грязными руками.

Медицинский вопрос стоит в России настолько остро, что это напоминает катастрофу. В стране катастрофически мало врачей! Возникает проблема лечения не то что крестьян, лавочников или ремесленников — у нас дворянство и богатейшие купцы мрут от пустяковых хворей, как мухи.

Зато всяких бабок-повитух, шептунов, знахарей и травников — пруд пруди. Мой предшественник, настоящий Петр,

гонял этих шарлатанов из Петербурга батогами, и тут я с ним абсолютно солидарен. Но чтобы выжечь суеверия, нужно предложить альтернативу. Нужна системная медицина. Больницы, госпитали, академии.

— Да уж... — мрачно произнес я вслух, обрывая ход своих мыслей. Звук собственного голоса гулко отразился от высоких сводов кабинета.

Замахнулся я широко, вот только... Я с силой захлопнул пухлую бухгалтерскую книгу, лежащую на краю стола.

Только-только завершив предварительные итоги жесткой ревизии и аудиторской проверки, я воочию убедился: в стране тупо нет денег. Все прогнило. Везде воруют так, что треск стоит. Сперва нужно работать как проклятому, чтобы просто свести бюджет. На дворе весна. Снег сходит, дороги вскрываются, и казне нужно делать прорву выплат. Военным, подрядчикам, корабелям. А денег — кот наплакал.

Особенно после хаоса, вызванного моим недавним «предсмертным» состоянием, когда гвардия, почуяв безвластие, выбила себе чуть ли не три годовых жалованья вперед. Эти упыри в преображенских мундирах выгребли из столицы всё серебро.

Конечно, у меня есть резерв. Заначка. Те самые восемь миллионов рублей — сумма, равная годовому бюджету всей империи! — которые сейчас лежат под усиленной охраной в каменных казематах Шлиссельбургской крепости. Это конфискат. Деньги казненных и сосланных казнокрадов. Тот

самый неприкосновенный запас, который трогать было бы нельзя, и благодаря которому я планировал начинать новые масштабные стройки, пусть даже самого авантюрного толка.

Но я уже влез туда. Скрипя зубами, взял оттуда миллион просто для того, чтобы заткнуть дыры в снабжении армии и начать ее нормально обучать. Потребовал ввести регулярные стрельбы. Да, порох и свинец стоят дорого. Стрельбы раз в полгода обходятся казне в копеечку. Но отправлять в бой крестьянина, который мушкет держать не умеет — это колоссальные, невосполнимые убытки для государства в виде гор мертвых рекрутов. Люди стоят дороже свинца.

Я подошел к окну и прижался лбом к прохладному стеклу, глядя на свинцовые воды Невы.

Интересно, как там дела у Кардигана?

С тех пор как я отправил этого прохвоста в Англию с деликатным поручением и солидным кошельком на оперативные расходы, оттуда не приходило никаких серьезных сведений. Ни строчки.

Впрочем, не приходило и тревожных новостей о дипломатических скандалах, которые неминуемо всплыли бы, если бы этот человек начал действовать неосторожно. Остается два варианта: либо Кардиган затаился и плетет свою паутину в лондонском Сити тихо и грамотно, либо... либо этот сукин сын просто сбежал с моими деньгами.

Я криво усмехнулся. Если сбежал — найду и лично вырву ноздри. Но что-то мне подсказывало: этот агент еще сыграет

свою партию на британской доске. Нужно только ждать.

Стук у дверь прервал мои размышления. Пришли писари. Вновь диктовка, снова законы и Уставы...

Скоро я диктовал своей команде писарей Устав университета. Может быть несколько и забежал вперед, но лучше, чтобы он был, дабы ориентироваться в будущем, чем не понимать, как именно должен выглядеть первый русский университет.

— Учредить такие факультеты...

— Государь! – крик раздался у дверей, перебивая меня и сбивая с мысли.

Я только посмотрел на Корнея, который добрался, сделал знак дюжему Степану, становящемуся заместителем моей охраны. Богатырь быстро подошел к двери.

— Что там? – спросил он.

Еще один охранник дежурил за пределами кабинета, вместе с гвардейской охраной.

— Лейб-медик Блюментрост просят! – сообщил телохранитель.

— Давай его сюда, – сказал я, посмотрев, куда же пинками загнать этого докторишку, чтобы не имел привычки соваться ко мне во время работы.

Блюментрост влетел в кабинет, спотыкаясь о полы собственного камзола. Его напудренный парик съехал набок, обнажив лысину, серое сукно было заляпано чернилами, но лицо... Лицо светилось фанатичным, пугающим восторгом.

Я подобрался. В кабинете тут же стало не протолкнуться от охраны из телохранителей и гвардейцев, во главе с майором Суворовым.

— Ваше Величество! — медик задохнулся, подбегая к моему столу, и с размаху шлепнул на полированное дерево стопку исписанных листов. — Mein Gott, это триумф! Триумф!

Я отложил перо.

— Успокойтесь, Лаврентий Лаврентьевич. Что случилось?

— Девятнадцать из двадцати! — Блюментрост оперся дрожащими руками о край стола, глядя на меня безумными, блестящими глазами. — Девятнадцать каторжников, которым мы привили коровью оспу! Три дня назад я приказал запереть их в чумном бараке, вместе с теми, кто уже гниет от черной оспы. Они спали на их соломе, дышали их смрадом... И ничего! Ни единого струпа! Метод работает, государь! Мы победили смерть!

На секунду в кабинете повисла звенящая тишина. Я медленно откинулся на спинку кресла. Получилось. То, ради чего мы шли на дикий риск, тайно закупая зараженных коров и ставя опыты на смертниках. Оружие против главного бича этого времени теперь в моих руках. Осталось наладить...

— Кто об этом знает? — спросил я строго, отгоняя все радужные эмоции.

Медик замялся.

— Кто, сука, еще знает? Я же говорил о тайне. А ты, удагангренная, орешь тут на весь Петербург...

— Так знают, видать...

Я попробовал успокоиться. До того момента, как не пройдет заседание Синода, никто не должен был знать о вакцинации. Еще не вышла газета с объяснениями, еще Синод не сказал свое слово, что это никакая не печать дьявола, а богоугодное дело.

— Суворов! – обратился я к командиру роты почетного караула. – Пошли своих людей с Блюментростом по тем местам, где он орал о всем этом и проверь, как оно...

— Государь... – как овца проблеял медик.

— Ну? – навис я над ним.

— Двое оспинных сбежали, когда их везли от зараженных оспой...

— Сука! – сказал я.

Тяжелый набалдашник ударил в ребра доктора. Того скрутило, он сжался в позу эмбриона и был готов принимать свою смерть.

— Прочь! – прокричал я.

Все попятились к дверям. Но они не знали, что это я так прогонял свой Гнев. И получилось.

— Усилить патрули, поднять гвардию по тревоге, – начал раздавать приказы я.

Это же раскрытый ящик Пандоры. И если кто-то подымет это знамя...

Глава 5

Петербург

16 марта 1725 года

Неужели кто-то действительно решил попробовать меня на зуб?

Я сидел во главе тяжелого дубового стола в наспех развернутом оперативном штабе, барабанил пальцами по столешнице. В воздухе висела густая, осязаемая тишина, прерываемая лишь треском свечей. Не то чтобы я расслабился или уверовал в собственную неуязвимость, но столь серьезной угрозы — ни для себя лично, ни для выстроенной мной империи изнутри — я не предвидел.

Небожителем себя возомнил? Казалось, всё под контролем. Главные заговорщики давно обезврежены, Долгоруков, Меншиков: одни расплатились звонким рублем и теперь тише воды ниже травы сидят по своим медвежьим углам, другие гниют в казематах, а кто-то и вовсе распрощался с головой на эшафоте, как Ушаков. И все? Каждое действие рождает противодействие. Я готовил атаку на церковников? Я получаю.

В моем будущем перевороты, лукаво названные историками «бархатными» или «цветными», развивались по одному лекалу. На улицы выплескивались толпы — возбужден-

ные, ослепленные праведным гневом и кричащие о том, как всё плохо.

Никто из них не задумывался, что на следующий день после их «победы» станет в стократ хуже. Не так чтобы это было ново. За небольшим отличием. Там, в будущем, этим людским морем управляли через нейросети и мессенджеры. А здесь? Какая «информационная технология» сработала в XVIII веке? Церковный амвон и рыночные слухи?

Я обвел тяжелым взглядом застывших вдоль стола чиновников. В голове до сих пор не укладывалось, как мы пропустили момент, когда искра упала в порох.

— Толпа хлынула на улицы сразу после проповеди? — мой голос прозвучал сухо, разрезая тишину штаба.

Из тени выступил Антон Девиер, глава Тайной канцелярии. Лицо его было бледным, но собранным, черные глаза блестели опасным блеском.

— Никак нет, Ваше Величество. Возмущение началось позже, уже пополудни. Яд должен был растечься по умам, — сказал он.

— Что сделано на эту минуту? Рубите суть, — потребовал я.

— Задержан Федор Лопухин. Сейчас он под надежной охраной. Он сам связался с Голицыны и со Мной через Евдокию. А вот беглый каторжник, Степан Лопухин, оказал сопротивление при задержании... — Девиер выдержал секундную паузу. — Убит при попытке к бегству.

Я медленно кивнул, переваривая информацию. Лопухины. Опять эта неугомонная порода. Ожились из-за того, что я встречался с Евдокией? Может быть. Если нет центра протестного, то он может появиться и такой вот... никакой. Какие из разгромленных еще к 1718 году Лопухины?

— Подготовьте указ, — я чеканил каждое слово, чтобы писарь успевал заносить их на бумагу. — Отныне вся фамилия Лопухиных лишается дворянского достоинства. Навечно. Запретить им селиться в городах. Все поместья в европейской части России конфисковать в казну. Титул их, если и будет мною признан, то лишь за десять тысяч верст от Петербурга.

Можно было, конечно, поступить в духе времени: вывлоочь всю их семейку на площадь, прилюдно выпороть кнутом, а зачинщиков предать лютой, показательной смерти. Черни бы понравилось. Толпа обожает вид чужой крови и вывернутых внутренностей, она почти никогда не сочувствует тем, кто бьется в агонии на эшафоте. Но кровь порождает мучеников.

А так... Почему бы бывшим сиятельным Лопухиным не начать жизнь с чистого листа где-нибудь в глухих лесах русской Америки? Для высшего сословия лишение чести и статуса — удар страшнее плахи. Пусть они, будь они хоть четырежды Рюриковичи, на собственной шкуре поймут: моя власть простирается глубоко за пределы их жизней. Я могу стереть само их имя из истории. И это ледяное осознание

остудит многие горячие головы.

Я резко повернулся к Миниху.

— Генерал-губернатор! Что предпринято вами для удержания столицы?

Христофор Антонович с привычной педантичностью начал чинно подниматься со стула, расправляя мундир. Я раздраженно махнул рукой, осаживая его обратно.

— Сидеть! К черту политесы, Миних. Пока мы будем расшаркиваться, город вспыхнет. Докладывайте!

Миних сухо сглотнул, мгновенно перестраиваясь на боевой лад.

— Город разрезан на части, Ваше Величество. По рекам и каналам пущены вооруженные боты. Приказ жесткий: топить и разгонять любые лодки с подозрительными скоплениями людей. Перебраться с одного берега на другой сейчас без проверки невозможно. Все мосты перекрыты рогатками и взяты под плотную охрану гренадерских караулов.

— Армия? — я подался вперед, впившись взглядом в генерала. — Рассудок в полках еще не помутился? Это главное.

— Солдаты в недоумении, ропщут, но строй держат, — отрапортовал Миних. — К казармам пытались прорваться попы в черном, размахивали крестами, смущали умы. Наши офицеры оттеснили их сомкнутыми рядами, взяли на штыки. Пока без выстрелов.

Значит, точка невозврата еще не пройдена. Военная ма-

шина верна мне. Но ситуация стремительно накалялась. Прямо сейчас там, у Марсова поля, толпа сжималась в пружину. И в самом центре этой kloкочущей человеческой массы, непрерывно сменяя друг друга, надрывая глотки до хрипа, орали два главных зачинщика. Они распаляли пока еще сырой, стихийный бунт, пытаясь превратить его в сметающее всё на своем пути всепожирающее пламя.

Город превратился в переполненный, бурлящий котел. В последние дни по трактам в Петербург стянулись тысячи людей. Черные от весенней грязи крестьяне, мастеровой люд, мелкопоместные дворяне в заношенных камзолах, суровые городские казаки.

Изначально вся эта разношерстная масса стекалась в столицу с одной целью — проводить меня, своего сурового государя, в последний путь. Но вместо похоронного звона их оглушила весть о чуде. Оказалось, я жив. И скорбь мгновенно переплавилась во всеобщее истерическое счастье.

Но сейчас, я был уверен, в головах этой гигантской толпы, запертой на узких столичных улицах, насмерть бились две абсолютно противоположные идеи. И от того, какая из них победит, зависело не только мое будущее, но и судьба всей Империи.

Первый нарратив, запущенный моими людьми, работал безотказно: царь не просто воскрес, он прошел по кромке смерти, узрел саму Пресвятую Богородицу, и она, коснувшись его чела, вернула его в мир живых — спасти Россию.

Этот слух вихрем пронесся по площадям, кабакам и грязным подворотням Петербурга, а оттуда, словно степной пожар, пошел гулять по необъятным просторам страны. Ну и газета вышла с тремя статьями по этому поводу.

Эта красивая, мистическая легенда должна была стать несокрушимым фундаментом, абсолютной идеологической базой моей обновленной Империи. И стала бы, если бы не натолкнулась на глухую, яростную стену церковного сопротивления.

Приходилось признать горькую правду: я совершил ошибку. Непростительное для человека из будущего упущение. Я слишком рано, слишком прямолинейно начал свой наезд на церковь.

И я, и тот, настоящий Петр Алексеевич, чье тело я теперь занимал, жили в иллюзии. Петр, запертый в своем мире чертежей, верфей и ассамблей, искренне верил, что церковь сломлена. Что патриаршество уничтожено, Синод покорен, а священники превратились в послушных государственных чиновников в рясах.

Но это был самообман. За десятилетия жесточайшей ломки старых порядков Петру так и не удалось выжечь из народа темное, ретроградное, дремучее религиозное сознание. Оно пряталось, мимикрировало. Даже те вельможи, что покорно натянули европейское платье, сбрили бороды и теперь изящно вышагивали в менуэтах, по ночам, втайне крестились двуперстием и плевали через левое плечо, спасаясь от сглаза.

— Ситуация такова, господа, — мой голос заставил генералов вытянуться в струнку, — что прямо сейчас мы можем вывести на Марсово поле гвардию и картечью в упор задавить это недовольство. Мы можем перемолоть в кровавую кашу всех, кто сейчас развесив уши слушает этого полоумного попа Иону и епископа Ростовского. Они же более всего смущают умы.

Я сделал паузу, прислушиваясь к себе. Коробит ли меня от мысли о тысячах трупов? Нет. Если это спасет государство — я отдам приказ не дрогнув.

— Но победа, добытая только штыком и свинцом, в этот раз будет поражением, — жестко закончил я.

Я видел непонимание в глазах военных. Они привыкли рубить сплеча. Но если сейчас против меня вытащили самое опасное, самое первобытное оружие — религиозный фанатизм, — то клин придется вышибать клином. Картечь убьет тела, но сделает из мятежников святых мучеников.

— Генерал-лейтенант Матюшкин! — я резко повернулся к командующему моей ротой почетного караула и уже почти что назначенный командующим гвардией. — Доставили ли тех людей, которых мы на днях привили от оспы?

— Так точно, Ваше Императорское Величество! — Матюшкин гаркнул четко и по-военному звонко, щелкнув каблуками.

Я смотрел на генерала и видел, как в нем кипит яростное нетерпение. Этот цепной пес Империи фанатично жаждал

получить приказ, выхватить палаш и лично вести эскадроны на подавление бунта, чтобы порубить крамолу в капусту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.